

В. Н. Топоров

ЕЩЕ РАЗ ОБ И.-Е. **BUDH-* (:**BHEUDH-*)

В этих заметках речь пойдет об и.-е. корне, в частности, отраженном в др.-инд. *budhná-*, др.-греч. *πυθμήν*, лат. *fundus*, нем. *Boden* и т. п. ('дно', 'основание', 'низ' и др.) и недавно проанали-

зированном в связи с такими мифологическими именами, как *Ahi Budhnyà*, Πύθων, Бадьяк¹. В настоящее время возможно расширить круг мифологизированных употреблений слов этого корня. Ниже следуют два примера, относящиеся к обозначению реалий большого культурно-исторического значения.

1. Фрак. Βυζάντιον в индоевропейской перспективе

Название этого города, ставшего при Константине столицей Восточной Римской Империи (Византии, которой он позже дал свое имя) уже исстари объяснялось из имени легендарного основателя города Βύζας,² прибывшего в 658 г. до н. э. во главе экспедиции мегарцев на берега Босфора (Боспора) и здесь по указанию Дельфийского оракула заложившего поселение³. Нередко этимологическое объяснение Βυζάντιον и сейчас ограничивается подобным указанием⁴, хотя само имя Βύζας нуждается в объяснении, не говоря о том, что поселение на месте Византии существовало еще до VII в. до н. э., а сам мотив названия города по имени основателя в данном случае ничем не подтвержден и поэтому должен рассматриваться как обычная (а для этих мест весьма характерная) этимологическая легенда ономастического круга. О других старых этимологиях названия Βυζάντιον, не получивших одобрения или продолжения позже, в данном случа-

¹ См. статью автора в сб. «Этимология 1974». М., 1976, стр. 3—15.

² Nom. Sg. Βύζας, Gen. Βύζαντος. Форма Βύζας отмечена уже на монетах Византии, см. В. W. Head. *Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics*. Oxford, 1911, стр. 270. Но Стефан Византийский употребляет форму Γύζας, Γύζαντος, ср. 215, 15: ἐνθα [= ἐν Γουνναίων, λιμένι] φασὶ τὴν γυναῖκα Γύζαντος Φιδάλειαν διώξασαν ἅμα ταῖς γυναῖξι τοῦς μετὰ Στρούβου τοῦ ἀδελφοῦ Γύζαντος τῇ πόλει πειθεμένους, τῶν πολιτῶν μὴ παρόντων, νικῆσαι διώξασαν μέχρι τοῦ Λιμένος καὶ οὕτως ὀνομάσσει. Как видно из 189, 3—4, эта форма объясняется смешением с названием ливийского города, жители которого обозначались двояко — Βύζαντες и Γύζαντες. См. D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957, стр. 95. Имя Βύζας, Βύζος, Βύζης в связи с другими лицами отмечено еще несколько раз, ср. Paus. 5, 10, 3 (художник с Наксоса), Zonar 9, 28 (фракийский династ), *Inscr. Graec. ad res Roman. pertinent.* I, 1511, 1512 (военачальник на Крите) и др.

³ Ср. Hesych. Mil. 5: ἕτεροι δὲ Μεγαρεῖς ἱστορήσαν ἀπὸ Νίσου τὸ γένος κατὰγοντας εἰσπλοῦν ἐν αὐτῷ ποιησαμένους τῷ τόπῳ ὕρ' ἡγεμόνι Βύζαντι, οὐκ ἐπὶ τὴν προσηγορίαν μυθεύουσιν τῇ πόλει προσεβῆναι. ἄλλοι δὲ Σεμέστρης τῆς ἐπιχωρίου νόμφης παῖδά τινα γεγονότα τὸν Βύζαντα ἀναπλάττουσι.

⁴ Впрочем допускаются и модификации, связанные, в частности, с привлечением новых параллелей. Так, Кречмер (*Glotta*, 14, 1925, стр. 94—95) видел в Βυζάντιον производное на -ιο- от основы Βυζανт-, от иллирийского имени собственного Βύζας, связываемого с далматинским *Beuzas* (ср. Gen. *Beuzantis*), *Beusas*; последние в свою очередь уже сравнивались с мессап. *baōstas*, апулийск. Βουζος, *Busa*, *Busia* и др., см. W. Deeske. — «*Rheinisches Museum für Philologie*» 36, 1881, стр. 593; W. Schulze. *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*. Berlin, 1904, стр. 38. Ср. Н. Krahe. *Lexikon altillyrischer Personennamen*. Heidelberg. 1929, стр. 21, 26, 27 и др.

говорить нет необходимости⁵. Вместе с тем следует упомянуть чисто фонетическую этимологию Βυζάντιον, принимаемую Дечевым и Георгиевым, — из и.-е. *bhug'o- 'козел', *bhug'-ent- 'козленок' (ср. авест. būza 'козел', н.-перс. buz; арм. buz 'ягненок')⁶. Лишенная семантических оснований и не поддержанная объяснениями, относящимися к реалиям, эта этимология не может быть доказана и поэтому, по крайней мере, пока не является убедительной.

Очевидно, что каждая новая попытка объяснения названия Византия должна начинаться практически с нулевого уровня. В высшей степени правдоподобным нужно считать мнение о ф р а к и й с к о м происхождении названия. Фракийский топонимический пласт именно в этом районе, как и на смежных территориях Балкан и северо-западной Малой Азии, настолько густ и бесспорен — во многих случаях уже и для древних, — что иное происхождение Βυζάντιον было бы полной неожиданностью⁷. Собственно говоря, это заключение, как и документальные данные, фиксирующие само название, и образуют тот исходный фонд, с которым приходится считаться исследователю.

Древнейшие известные случаи употребления названия города Византия и его жителей византийцев относятся к V в. до н. э. Геродот одиннадцатикратно упоминает название города (IV, 87, 138, 144; V, 26, 103; VI, 5, 26, 33; IX, 89) и трижды его жителей (IV, 87, 144; VI, 33), ср. IV, 138: Ἀρίστων Βυζάντιος; VI, 33: Σηλυμβρία τε καὶ Βυζάντιον; IV, 87: Βυζάντιοι и т. п., или у Фукидида — VIII, 80, 3: Βυζάντιον, I, 115, 5: Βυζάντιοι. Название города и его жителей еще чаще упоминается у более поздних авторов — как греческих (Птолемей, особенно часто Страбон и др.), так и латинских (Тит Ливий, Плиний, Помпоний Мела, Аммиан Марцеллин и др. — *Vyzantium* и *Vyzantii*)⁸. Пожалуй, наиболее полным и интересным в виду преследуемых здесь целей нужно считать сообщение Стефана Византийского:

Βυζάντιον, τὸ ἐν Θρᾶκῃ βασιλεῖον, πόλις διασημοτάτη, πρὸς τῇ Προποντιδί, πρὸς τῷ μέρει τῆς Εὐρώπης. . . ἐκτίσθη ἀπὸ Βύζαντος⁹ τοῦ Κερόεωσσης τῆς τοῦθ' ἑταίρου καὶ Ποσειδῶνος, ἣ ὅτι τοῦ στόλου Βύζης ἦν ἡγεμῶν. καὶ ὅτι οἱ ἐχθροὶ αἰσθητικώτατοι τῶν ἀνέμων ἐκείσε. . . τὸ ἐθνικὸν τοῦ Βύζα Βύζαντιος διὰ τοῦ ι, τὸ δὲ κτητικὸν διὰ διφθόγγου. τὸ δὲ Βυζάντιος ἐθνικὸν τριγενές. τὸ δὲ κτητικὸν Βυζαντιακός. λέγεται καὶ Βυζαντιάς καὶ Βυζαντίς. ἔστι καὶ ἐπὶ τῆς χώρας Βυζάντεια διὰ διφθόγγου. ἀπὸ δὲ τοῦ Βυζάντιος Βυζαντία, Βυζαντιανός· καὶ Βυζαντειανός διὰ διφθόγγου.

⁵ О них см. G. Curtius. Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig. 1879, стр. 291 (5. Aufl.); H. Grasberger. Studien zu den griechischen Ortsnamen. Leipzig, 1884, стр. 110, 278 и др.

⁶ См. Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952, стр. 12; В. Георгиев. Тракийският език. София, 1957, стр. 59, 60, 69.

⁷ Связь нижних культурных слоев Византия именно с фракийскими археологическими культурами ориентирует в том же направлении.

⁸ Подробнее см. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 94.

⁹ Ср.: Βυζάντιον ἡ πόλις, διὰ τὸν Βύζαντα τὸν Θρᾶκῃ βασιλεῖα. Etymol. M.

Именно в этом фрагменте излагается поздняя мифологическая родословная: Ио родила Кероэссу — Кероέσσα (ср. τὸ Κέραс 'Por', Pol. IV, 43, 7, *Bizantinorum Cornu*, на нем стоит Византий), сыном которой от Посейдона и был Βύζας (основа Βύζαντ-) ¹⁰. По другой версии Βύζας — сын нимфы Семестры (Семистры) ¹¹ и муж Фидалеи ¹², дочери Барбисеса ¹³. Таким образом оказывается, что совокупность основных топонимов и гидронимов вокруг Византия находит соответствие на мифологическом уровне, где элементарные сюжетные связи, объединяющие мифологические персонажи, рассматриваются как семантические мотивировки топографических названий. Иначе говоря, последние трактуются как проекция неких мифологических событий и поэтому должны пониматься как *topographia sacra*. При этом следует помнить, что мифологический круг, привлекаемый для толкования данных названий, шире, чем объясняемые им топонимические факты: он может имплицировать элементы мифологической системы, которые сами по себе могут и не иметь топографических проекций, по крайней мере, в данном конкретном случае (ср. Зевс и Гера, вовлекаемые через Ио в сюжет, Посейдон как отец Βύζας'а и др. не имеют отражений в этом регионе). Несомненно, что мифологические мотивировки названий с течением времени довольно значительно изменялись. Отсюда — обилие объяснений, построенных на ложно-этимологических основаниях; попытки ввести в объяснительный мифологический уровень специфически древнегреческие персонажи, не имеющие очевидных соответствий в фракийской мифологии, и, следовательно, частичная переориентация в трактовке местных названий в направлении от фракийского к древнегреческому. Один из характерных примеров — уже упоминавшееся речное название Βαρβύσης (и соответствующее ном. пропр. Βαρβύσιος), грецизированное у Свиды: διὰ τῆς γεφύρας τοῦ Βαρυβύσσου ποταμοῦ (Suid. s. v. 'Hρακλειος), при др.-греч. βαρός 'тяжелый', 'сильный' и βύσος 'глубина' (в частности, морская), 'про-

¹⁰ Существенно, что по другим сведениям, Βύζας был воспитан нимфо-источника Βυζία (*Byzia*), ср. Hesych Mil. 8, 9; Procor. De aedific. I, 5, 191 (ср. источник Βυζία во Фракии или Βύζη, имя дочери речного божества Эрасиноса в Аргосе). Вместе с тем имя Βύζη принадлежало мнимой дочери Βύζας'а. В поздних источниках Посейдону, отцу Βύζας'а, приписывают и сына по имени Βυζίνος (Zenob. II, 63).

¹¹ Ср.: Σημέστρης νύμφης βωμός... Hesych. Mil. 4, 3; Σημύστρας βωμός, ἀφ' ἧς καὶ τοῦνομα τῷ χωρίῳ. Σημύστρα δέ, νύμφη ναῖς, Κεροέσσης τροφός. Dion. Byz. 24; Σειμύστρης νύμφης βωμός. Codin. I, 3 — как обозначение места при слиянии рек Барбисеса и Кидароса (см. Hesych. Mil. 4, 3), образующих Золотой Пор, см. Gillius. Vosp. Thrac. Geogr. gr. min. II, 28. Именно здесь, по показаниям старых источников, был основан древнейший Византий. Это место было выбрано вороном, о котором говорит старое предание, см. Sym. Logoth. (Müller, Geogr. gr. min. II, 28 A).

¹² Ср. ниже: Φιδάλεια, Φαιδαλία, Φειδαλία.

¹³ Ср.: ἐν ἐκείνῳ τῷ χωρίῳ, ἐν ᾧ Κύδαρος τε καὶ Βαρβύσης ποταμοὶ τὰς διεξόδους τοῖσδ' ἔχουσι. Hesych. Mil. Müller FHG 4, 147, 3; Λέγεται τὸ Βυζάντιον Θράκης ἐμπόριον εἶναι καὶ οὗτι ποτάρχης ἦν ἐν αὐτῷ Βαρβύσιος, ὁ πατὴρ Φεδαλίας. Chron. Pasch. 1, 493 (где Βαρβύσιος—Nom. propr.).

пасть' (ср. $\beta\upsilon\theta\acute{o}\varsigma$, то же)¹⁴, тогда как первоначально речь могла идти о корне с минимально выраженным удвоением **Barb-* (находящем многочисленными соответствия с гидронимии центрально-европейского типа), оформленном типичным, между прочим, для малоазиатского ареала суффиксом *-us-* (*-υς-*), или даже о сложном слове с первым элементом *Var-* (ср. фрак. *Zourbvara*. Ptol. 3, 8, 4, город в Дакии, при *Zourης*, или *Tαμοῦβαρι*. Pтосор. De aedific. 4, 11, замок в области Эбра¹⁵, и вторым элементом *-βυς-*, в котором, учитывая частые случаимены *-σ:-ζ-* (ср., в частности, *Βούσας: Βούζης, Βύζης* и т. п.), можно предполагать трансформацию более старого *-βυζ-*¹⁶, присущего водному и в *Βυζάντιον*; в этой связи особенно показателен, конечно, вариант *Varβύζης*. Если это второе предположение верно, то *Varβύζης*, видимо, могло бы для более раннего времени толковаться как 'погождающий (несущий) некий водный объект, обозначаемый корнем *Βυζ-*'. Такое название могло первоначально относиться именно к Золотому Рогу, питаемому как раз водами Барбисеса. В этом случае полностью объяснялось бы и то, что древнейший Византий находился именно в верхнем конце Золотого Рога, т. е. как раз там, где Барбисес, сливаясь с Кидаросом, дает начало Золотому Рогу (**Βυζ-*)¹⁷. Характерно, что среди разных древних названий Боспора (*os / fretum / Ponticum, Στενόν* [ср. этникон *Στενίτης*] при тур. *Boghas* и т. п.) известно и *Βυζαντιαχόν στόμα*¹⁸ (*Βυζαντιαχόν τὸ στόμα*. Strab. I, 21, 2; также *Βυζάντιον στόμα*. Strab. I, 49 и даже: *τὸ στόμα τὸ κατὰ τὸ Βυζάντιον*. Strab. II, 71; XII, 563). Впрочем, и само название Боспора, объясняемое из древнегреческого **Βούς-πορός* 'бычий брод' (через гиферезу)¹⁹ и обозначающее многие узкие морские проливы, но прежде всего, конечно, Боспор Фракийский (Aesch. Pers. 723, 746)²⁰, у конца которого стоит Византий (ср. также Боспор Киммерийский и др.), весьма вероятно, явилось переделкой более старого фракийского названия. Ср., с одной стороны, весьма многочисленные фракийские *composita* с вторым членом *-para*, *-παρο(ν)*, *-παρος*, *-παρω*, *-παρων*, *-περα* (*-para*, *-phara*, *-paro*)

¹⁴ Ср. вариант *Βάρβυσσας*.

¹⁵ См. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 42, 195, 488.

¹⁶ Ср., однако, и фрак. *-βυς(σ)-ηγός* и под.

¹⁷ Модель типа *Βυζ-* (местное или водное название): *Βυζ-αγν-* (поселение, обозначение некоей совокупности, множественности, ср. анатол. *-a/n/-* в этой функции) достаточно хорошо известна. Впрочем, уместно напомнить, что первоначально название *τὸ Κέρας* относилось не к морской бухте, а к имеющему форму рога полуострову (собственно предгорью, образуемому мыс), на котором позже находился Византий; ср., однако, *Ἐσπέρου Κέρας, Νότου Κέρας* и т. п. применительно к бухтам.

¹⁸ Ср. также *στόμα τοῦ Πόντου*.

¹⁹ Ср.: K r e t s c h m e r. — «Glotta» 27, 1939, стр. 29; Frisk I, стр. 254 и т. д.

²⁰ Ср.: «Скилак из Карианды свидетельствует, что пролив у Халкедона и Византия, теперь называемый Боспором Фракийским, прежде носил имя Мисийского Боспора. Это можно принять как свидетельство того, что мисийцы были фракийцами». XII, 4, 8. См. Страбо н. География в 17 книгах. М.—Л., 1964.

и др.²¹, а с другой стороны, такие названия, как *Βοσπαρα*, замок вблизи *Βεσοῦπαρον*, *Bessapara* (*Bessa*, *Bessum*), см. Procop. De aedific. 4, 11²². Характерно, что имя Боспора связано и с тем местом, где находился исторический Византий: *Βοσπόριος ἄκρα* — так называлась оконечность самого полуострова, древнего τὸ Κέραс, с которым связан один из основных эпизодов истории Ио, носившей коровьи рога (*κέρατα*), — переправа на азиатский берег²³; впрочем, эта история связывается и с Боспором Киммерийским (Aesch. Prom. 733; Kallim. Art. 254; Hug. fab. 145; Schol. Apoll. Arg I, 1114).

Мифологический сценарий, связанный с Βύζας'ом, разыгрывается и в других местах этого региона. Так, с именем жены Βύζας'a Фидалеи соотносится название белой скалы в море неподалеку от Византия — *Φαιδαλία* (Dion.), *Φειδαλία* (Suid), *Φιδάλεια* (Steph. Byz.), — где, по преданию, находилась гробница Фидалеи. Не менее любопытны с точки зрения мифологических ассоциаций или в связи с теми или иными особенностями ландшафта, получившими мифологическую интерпретацию, и другие названия на Боспоре, т. е. в непосредственном соседстве с Византием. К их числу нужно отнести *Αὐλητής*, название, данное по имени флейтиста Πόθων²⁴, ср. *αὐλητική* (ср. *τέχνη*) 'искусство игры на флейте', *αὐλητής* 'игра на флейте', *αὐλητής*, *αὐλητήρ* 'флейтист', *αὐλέω* 'играть на флейте', *αὐλός* 'флейта', 'дудка' и т. п. Это название, как и приведенные здесь слова того же корня, связано с др.-греч. *αὐλών* как обозначением всякого углубленного места в горах и на побережье, ущелья, долины, узкого прохода, горловины²⁵ и т. п. (ср. *πόντιαι αὐλῶνες*, о море с его бухтами и проливами), что объясняет значительное количество топонимов *Αὐλών*²⁶. Уместно напомнить, что *αὐλ-* как обозначение ущелья, горловины, пролива, с одной стороны, и музыкального инструмента, с другой, находит соответствие в уже упоминавшемся *κέρας* 'протока', 'пролив', 'бухта' 'отрог', 'вершина' и т. п., но и 'рог', 'рожок' (музыкальный инструмент)²⁷. При этом

²¹ См. D. Detschew. Указ. соч., стр. 356—357.

²² См. D. Detschew. Указ. соч., стр. 55, 76; Pauly-Wissowa. Reallexik. s. v. *Bosporos*.

²³ Сходным образом мотивируется и название Геллеспонта: Гелла на пути в Колхиду упала при переправе с золоторунного барана и утонула в проливе (*πορθμός* Ἀθμάντιδος Ἑλλάς. Aesch. Pers. 69, откуда — Ἑλλήσποντος или Ἑλλης πορθμός).

²⁴ Ср.: Pauly-Wissowa. Reallexik. 5. Hlb. Stuttgart, 1897, s. v. *Bosporos*. Показателен мотив поэтических, прежде всего музыкальных способностей у персонажей причастных к сфере хтонического и оргиастического, о чем писалось в другой связи.

²⁵ Ср. выше о *Στενόν* (тур. *Boghas*) при *στενός* 'узкий проход', 'ущелье', 'теснина', 'пролив' (ср. *στηνότης*).

²⁶ Среди них наиболее известны: 1) ущелье и город на реке Кипариссе в Мессении (Xen. Hell. 3, 2, 25; 3, 8); 2) город на сев.-зап. оконечности Стримонского залива в Македонии (Thuc. IV, 103); 3) портовый город (в бухте) в Иллирии (=Валона); 4) место в Аттике, видимо, долина, разделяющая два главных хребта Лавриона, и др.

²⁷ Ср. устойчивые сочетания, соединяющие эти два корня: *αὐλέω τῶν κέρατι* 'трубить в рожок' (*cornu inflo*).

и αὐλ- и κερ- используются в местных названиях²⁸ и, в частности, в непосредственном соседстве друг с другом в Византии и его окрестностях. Показателен и эпитет Диониса — Αὐλωνεύς²⁹.

Неподалеку, к северу от Архейона, находится крутое взгорье, некогда с культовым сооружением, посвященным «морскому старцу», с которым в древности связывали разных персонажей — Нерее, Форкиса, Протея, отца Семестры и под.³⁰ Gillius, II, 9 называет это место Κλειδίον (теперь тур. *Defterdar burnu*), что должно объясняться как загор, преграда, ср. др.-греч. κλειδῶν 'запирать', 'замыкать' (ср. Κλειθεες, два островка у Кипра и т. п.); этот мотив запирания вод один из весьма частых в мифологических объяснениях топографии (ср. также Вритру).

Особенно мрачные представления связывались с т. н. Кианейскими скалами (Κυάνεαι, αἱ πέτραι, νῆσοι)³¹, или Симплегадами (Συμπληγάδες, σύνοδοι 'сдвигающиеся', ср. Πλαγκταί 'блуждающие'), двумя горными скалами у входа из Черного моря в Босфор (ср. Κυάνεα πελάγη, о Боспоре и Черном море), которые, по преданию, то сдвигались, то раздвигались и поэтому были особенно опасны для мореплавателей³². Кианейские скалы, фигурирующие в мифе об аргонавтах, утратили свою подвижность, как уверяет предание, именно после того, как корабль аргонавтов прошел между ними.

Описание Кианейских скал и их функция в сюжете мифа отсылают к еще более знаменитым Скилле и Харибде (Σκύλλα / Σχόλλη, Χάρυβδις) у входа в Сицилийский пролив³³; любопытно, что Скилла жила в скале и поэтому могла бы трактоваться как персонафицированная скала. В свете этой параллели особое значение приобретают и некоторые другие совпадения типа Πλαγκταί (πέτραι) как обозначение Кианейских скал на Боспоре и одновременно вулканической скалы недалеко от Скиллы и Харибды в Сицилийском проливе. Таких примеров в этих двух ареалах немало: ряд из них был уже давно указан, другие известны, но не привлекали к себе специального внимания. Тем не менее, наличие этих совпадающих формально и/или функционально фрагментов мифологизированной топонимии, замеченное еще в древности, имеет первостепенное значение для установления направления и особенностей динамики в освоении древними греками Средиземноморского бассейна (от Малой Азии к западу). Во всяком случае уже Страбон, по сути дела, имел в виду этот перенос ланд-

²⁸ Ср. *Κάλαμος* на Боспоре — при *κάλαμος* 'свирель', 'тростник'.

²⁹ Ср. Frisk, I, стр. 186—187.

³⁰ Тот же автор упоминает о скале с храмом Гекаты (на Боспоре).

³¹ Ср. *κυάνεος* 'темный', 'темно-синий', 'черный'.

³² Ср.: *Δαρειὸς δὲ . . . ἐνθεύτεν ἐσβὰς ἐς νέα ἐπλεε ἐπὶ τὰς Κυανέας καλυμμένας, τὰς πρότερον πλαγκτὰς* 'Ελληνέες φασὶ εἶναι . . . Hdt. IV, 85.

³³ Иногда в названии турецкой деревушки *Гарибче* (у входа в Черное море) видят отражение *Χάρυβδις*. Ср.: Джелал Эссад. Константинополь от Византии до Стамбула. М., 1919, стр. 18 и др.

шафтной номенклатуры в указанном направлении еще у Гомера (такой перенос и приспособление старой ландшафтной номенклатуры, в частности, мифологизированной, к новым территориям весьма нередок при миграциях). Кианейские скалы (которые иногда называют Симплегадами) дали поэту [sc. Гомер] добавочный материал для этого рассказа, так как они весьма затрудняют плавание через пролив у Византия [далее — рассказ о плавании Иасона в Эю]. Поэтому, если сравнить Эю Кирки с Эей Медеи и Гомеровы Планкты с Симплегадами, то плавание Иасона через Планкты тоже представится совершенно правдоподобным. Повидимому, вероятно и плавание Одиссея между скалами, если вспомнить Скиллу и Харибду. С другой стороны, в гомеровскую эпоху Понтийское море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира³⁴, поэтому преимущественно ему давалось особое имя «Понт» . . . Может быть, по этой причине Гомер перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте, предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу господствующих направлений³⁵. Такого рода перенесения — и не только в горизонтальной плоскости, но и по вертикали (т. е. из нашего мира, с земли в иной мир, на небо или в подземное царство) — были обычным приемом для мифопоэтической традиции. Так, Страбон же сообщает: «Кроме того, на основании реальных сведений о том, что киммерийцы жили у Киммерийского Боспора, в мрачной северной области, Гомер соответственно перенес их в какую-то мрачную область по соседству с Аидом, подходящую местность для мифических рассказов

³⁴ Ср. Геродот IV, 85: «... так как Понт самое замечательное из всех морей», в более полном контексте: «... ἐξόμενος [sc. Дарий] δὲ ἐπὶ ῥίφῃ ἔθηγετο τὸν Πόντον, ἐόντα ἀξιοθεῖτον.

³⁵ Соответствующий греческий текст см. H. L. Jones. The Geography of Strabon. I—VIII. London, 1917—1932. Ср. версию текста в кн.: Strabonis Geographica recensuit Wolfgang Aly. Volumen primum. Bonn, 1968 (Libri I—II): προσέδοσαν δὲ τι καὶ αἱ Κυάνει, ὥσπερ Συμπληγάδας καλοῦσι πέτρας τινές, τραχὺν ποιῶσαι τὸν διέκπλου τὸν διὰ τοῦ Βουζαντιακοῦ στόματος, ὥστε παρὰ μὲν τὴν Αἴαν ἢ Αἰκαίῃη, παρὰ δὲ τὰς Συμπληγάδας αἱ Πλαγκταί, καὶ ὁ δι' αὐτῶν πλοῦς τοῦ Ἰάσονος πιθανὸς ἐφάνη, παρὰ δὲ τὴν Σκύλλαν καὶ τὴν Χάριβδιν ὁ διὰ τῶν σκοπέλων πλοῦς. ἀπλῶς δ' οἱ τότε τὸ πέλαγος τὸ Ποντικὸν ὥσπερ ἄλλον τινα Ὀκεανὸν ὑπέλαμβανον καὶ τοὺς πλεόντας ἐκεῖσε ὁμοίως ἐκτοπίζειν ἔδοκον, ὥσπερ τοὺς ἐξω Στελλῶν ἐπὶ πολὺ προϊόντας· καί γάρ μέγιστον τῶν καθ' ἡμᾶς ἐνομίζετο, καὶ διὰ τοῦτο καθ' ἑξοχὴν ἰδίως Πόντον προσηγόρευον, ὡς ποιητὴν Ὀμηρον, ἴσως οὖν καὶ διὰ τοῦτο μετήνεγκεν τὰ ἐκ τοῦ Πόντου πρὸς τὸν Ὀκεανὸν ὡς εὐπαράδεκτα διὰ τὴν κατέχουσαν δόξαν. I, 2, 10. См. также: W. Aly. Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographica. München, 1960.

о странствованиях Одиссея»³⁶. Напрашивается мысль, что для населения юго-восточной части Балкан и северо-западной части Малой Азии именно Черное море понималось первоначально как *Οκεαν* (лишь позже греки познакомились и с его западным воплощением — за Геракловыми Столпами). Само же представление об Океане было предельно мифологизировано: он был не только обозначением периферии по горизонтали, но и элементом космологической вертикальной схемы, сыном Урана (*Νεβα*) и Геи (*Ζεμι*), отцом вод, местопребыванием небесных светил. Понимание Черного моря как части Океана и обусловило самые мрачные ассоциации, связанные с ним, начиная с представлений финикийцев о нем как о *смертоносной бездне* и кончая его эпитетами (даже поздними или вторичными, как *Πόντος ἄξεινος* у Пиндара), сравнениями (со скифским луком — до Птолемея и т. п.) и другими его образами. Еще древние греки считали, что Черное море в результате гигантского катаклизма при Девкалионе³⁷ прорвалось к Средиземному морю через Боспор и Гелеспонт, образовавшиеся именно в это время. Логографическая и ранняя географическая традиция также сохранили память об этом смертоносном прорыве Черного моря, ср.: «Стратон высказывает мнение, что Евксинский Понт прежде не имел выхода у Византия, но реки, впадающие в Понт, прорвали и открыли проход и вода устремилась в Пропонтиду и Геллеспонт»³⁸. Разумеется, что догреческое население этого ареала и, в частности, фракийские племена,

³⁶ Ср.: οὕτω δὲ τοὺς Κιμμερίους εἰδὼς οἰκοῦντας τὸν Κιμμερικὸν Βόσπορον πρὸς βορρᾶν ὄντα καὶ ἱερῶδη μετήγαγεν οἰκείως εἰς ἀχοστεινόν τινα τόπον τὸν καθ' Ἴδιαν χρησίμων ὄντα πρὸς τὴν μυθοποιίαν τὴν ἐν τῇ πλάνῃ. I, 2, 9. Об этих же местах писал еще Геродот: «В этот Понт изливается еще озеро величиной немного меньше его самого. Оно называется Меотидой и Матерью Понта (... ἡ Μαῖητις τε καλεῖται καὶ μήτηρ τοῦ Πόντου)». IV, 86. См. О. Н. Трубачев. *Temarundam 'matrem maris'*. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. «Античная балканистика» 2. М., 1975, стр. 38—47. О мотиве 'мать вод' см. в связи с Варбисесом и Семестрой.

³⁷ Показательно, что именно с Девкалионом (сыном Прометея и Климены) и Пиррой связывается мотив послепотопного происхождения людей (бросание камней Девкалионом → мужчины и Пиррой → женщины) и начало эллинов: Эллин (Геллен) — их сын, отец Эола, Дора и Ксута, эпоним Эллады. Восточные истоки одной части мифа о Девкалионе и поздний характер другой (эллинская этиология) намечают основные вехи в развитии мифа и косвенно определяют географию мифа.

³⁸ Ср.: ... τοῦ δὲ Στράτωνος ἐστὶ μᾶλλον ἀπτομένου τῆς αἰτιολογίας, ὅτι φησὶν οἰσθᾶσι τὸν Εὐξείνιον μὴ ἔχειν πρότερον τὸ κατὰ Βυζάντιον στόμα, τοὺς δὲ ποταμούς βιάσασθαι καὶ ἀνοίξαι τοὺς εἰς αὐτὸν ἐμβάλλοντας. εἰτ' ἐκπεσῶν τὸ ὕδωρ εἰς τὴν Προποντιδα καὶ τὸν Ἑλλησποντον Strab. I, 3, 4; ср. I, 3, 6: о прорыве моря у Византия, ср. также I, 3, 5: «Но, как я сказал, непосредственная причина таких явлений в том, что само морское дно то поднимается, то оседает. . .» и далее: «В противном случае он [sc. Стратон] не считал бы дно моря причиной течения у Византия; он утверждает, что дно Евксинского Понта выше дна Пропонтиды и моря, следующего за Пропонтидой».

пришедшие сюда немного ранее, не могли не знать об этом катаклизме. В самом деле, как показывают геологические исследования Черного моря, последний раз оно соединилось через проливы с Средиземным морем, вероятно, только за 4—5 тысячелетий до н. э. (по подсчетам Н. М. Страхова)³⁹; тогда же образовался и Босфор, древняя речная долина, затопленная морем в антропогене, и Мраморное море, расположенное в зоне крупных разломов земной коры в средиземноморском поясе. Этому последнему прорыву Черного моря, произошедшему уже при свидетелях — племенах, обитавших в этом районе в то время, предшествовал целый ряд более ранних прорывов (в нижнем и среднем миоцене, в самом конце миоцена) и замыканий в обширные изолированные озера⁴⁰, дающих основание говорить о своего рода пульсации Черного моря, которая в конце-концов и определила характер рельефа Боспора, Мраморного моря, побережья, включая сюда и тот мыс, на котором возник Византий. И геологические исследования этого района, и топографические описания Византия-Константинополя-Стамбула⁴¹ подчеркивают особенности рельефа и его связь с гигантской катастрофой, а отчасти и указывают на его мифологические осмысления; впрочем, и для античных авторов была ясна отмеченность этого места на стыке Европы и Азии⁴². Последующая судьба Византия, города Константина, второго Рима, столицы Восточной Римской Империи и хранителя православия, способствовала еще большей актуализации символической роли некоторых особенностей ландшафта (семь холмов Константинополя, ср. римский *Septimontium* и семь холмов «третьего Рима» — Москвы, не говоря уже о *Septem maria, Septem aquae*

³⁹ См. А. Д. Архангельский, Н. М. Страхов. Геологическое строение и история развития Черного моря. М.—Л., 1938. Следовательно, неолитическая цивилизация Малой Азии (Чатал-Гююк и др.), с ее величайшими достижениями, должна была предшествовать этому катаклизму или во всяком случае быть современной ему. Это заключение легче всего объясняет ту осведомленность об этом событии, которую обнаруживают античные источники. О роли геологических катастроф, приуроченных, в частности, к периферии Эгейского бассейна, см. И. А. Резанов. Атлантида. М., 1975. Здесь же — попытка сопоставления катастрофы на Санторине за полторы тысячи лет до н. э. (остров находится в той части Эгейского моря, которая характеризуется гравитационным максимумом) с преданием о гибели Атлантиды. См. также: Л. Ромегансе. The Final Collapse of Santorini. Göteborg, 1970; D. L. Page. The Santorini Volcano and the Destruction of Minoan Crete. London, 1970; S. Marinatos. Excavations at Thera I—IV. Athenes, 1968—1971 и др.

⁴⁰ В олигоцене, среднем миоцене (*Караганское озеро*), в начале плиоцена (*Понтическое озеро*), в начале четвертичного периода (*Древнеевксинское озеро*), в конце его (*Новоевксинское озеро*), см. БСЭ 47, 1957, стр. 184 и след., особенно табл. 1.

⁴¹ Ср.: А. Д. Мординманн. Esquisse topographique de Constantinople. Lille, 1892; Paulu-Wissowa. Reallexik. 5. Hlb., стр. 1115 и след.

⁴² Ср.: hic locus est gemini ianua vasta maris. Ovid. Trist. I, 10, 32 или: a r t i s s i m o inter Europam Asiamque divortio Byzantium in e x t r e m a Europa posuere Graeci. Tacit. Annal. XII, 63 и др.

и т. п.), прежде всего таких его объектов, как возвышенности, ущелья, узкие проливы, изрезанное бухтами побережье, одним словом всего того, что могло рассматриваться как место или даже результат разыгрывания мифологического сценария. В этой связи трудно пройти мимо хтонического родословия Βύζας'а. Отец его — Посейдон (Ποσειδών, эпич., поэт. Ποσειδάων, ионич. Ποσειδέων), лирич., крит., эпид., аркад. и другие надписи — Ποσειδάν, также аркад. Ποσειδάν, откуда лакед. Ποιοιδάν; дорич. формы из разных мест типа Ποτ/ε/ιδάς, ср. эол. /?/Ποτειδαν; микен. *Po-se-da-o*, Dat. *Po-se-da-o-ne*)⁴³, божество водных источников, рек, морей, с отчетливыми связями с и н ы м миром, подземным царством, с нижней космической зоной. Не случайно, что имя божества согласно возводится к *Ποτειδάων (через стяжение -δων-, -дан и т. п.) и, начиная с Фика⁴⁴ и до настоящего времени⁴⁵, как правило, трактуется как 'Господин (или Супруг) З е м л и' (ср. Δημήτηρ). Самая последняя этимология имени Посейдона предусматривает во второй части слова индоевропейский корень для обозначения текущей воды — *dā-, ср. др.-инд. *dānu* и названия рек типа *Днепр*, *Дон* и т. п., ирл. *Donny* (< **danuīa*)⁴⁶; отсюда — Посейдон как 'господин (Супруг) вод'⁴⁷ и соотнесение его с постулируемым Дюмезилем индоевропейским богом вод, чье имя более известно в виде перифрастических образований типа др.-инд. *Āpām Nāpāt*, др.-иран. *Apam Nārāt*, лат. *Neptunus*, ирл. *Nechtan*. Следовательно, и в этом случае сохраняются хтонические связи Посейдона. Имя и образ матери Βύζας'а, нимфы источника Семестры апеллируют к тому же кругу идей; ср. разнообразие формы имени (Σεμέστρη, Σημόστρα, Σεσιμήτρη)⁴⁸, в котором, тем не менее, уже при поверхностном взгляде можно уяснить ведущие семантические тенденции, возможно, конечно, народно-этимологического толка: с одной стороны, *σω- (*σωμ-) & *στρ- (ср. фрак. Στρωμόν, Στρώμη и т. п.)⁴⁹ как соединение потоков, слияние струй и т. д. (алтарь Семестры стоял как раз при соединении Барбисеса и Кидароса, ср. иллир. Σύβαρις); с другой сто-

⁴³ См. F r i s k II, стр. 583.

⁴⁴ См. A. F i c k. — «Curtius Studien» 8, 1876, 307; из Voc. *Πότει Δᾶς.

⁴⁵ Ср. F. S c h a c h e r m e y e r. Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens. Bern, 1950, стр. 13 и след.

⁴⁶ См. C. S c o t t L i t t l e t o n. Poseidon as a Reflex of the Indo-European 'Source of Waters' God. «The Journal of the Indo-European Studies», V. 1, № 4, 1973, стр. 423—440.

⁴⁷ Ср. мифологический мотив — Посейдон заставляет появиться лернейскую реку Амимону.

⁴⁸ См. D. D e t s c h e w. Die thrakischen Sprachreste, стр. 429—430.

⁴⁹ Многочисленные фракийские названия этого корня см. D. D e t s c h e w. Указ. соч., стр. 481—485. Особенно интересно в этой связи имя нимфы Στρωμό, связанное с самой сев.-зап. частью Малой Азии (Троя, Скамандр), ср.: Ἴλος δὲ γῆμας Εὐρυδίχην τὴν Ἀδράστου Λαομέδοντα ἐγέννησεν ὅς γαμῆι Στρωμό τὴν Σκαμάνδρου. Apd. 3, 146 (3, 12, 3); ὁ δὲ Τιθωνὸς Ῥοιοῦς ἧ Στρωμοῦς τῆς Σκαμάνδρου θυγατρὸς υἱός. Schol. Lyc, 18.

роны, *зем- (ср. фрак.-фриг. *Σεμελη* как персонифицированная земля, др.-фриг. *Ζεμελω* «Мать-Земля» и т. п.)⁵⁰ & *μήτηρ 'мать', т. е. в целом — 'Земля-Мать'⁵¹. В этом же контексте находят свое место и водное происхождение жены Βύζας'а Фидалеи (она дочь речного божества Барбисеса), и храм Гекаты на скале около Византия, и культовое сооружение, посвященное Морскому Старцу (там же, см. выше), и целый ряд других, иногда более отдаленных параллелей и деталей. В частности, сын Гартара и Геи (Земли), огнедышащий Тифон, по Гомеру, живет в стране аримов в Малой Азии (другой вариант у Пиндара: под Этной, см. выше о подобных перенесениях), под землей, где его терзают молнии Зевса. Поскольку доказано, что Тифон — особая ипостась Пифона⁵² и высказывалось даже предположение (Л. А. Гиндин), что его имя — результат метатезирования имени Пифона, т. е. **budh-* (Πθ-) при **dubh-* (Τυφ-), — включение в этот круг данных о Тифоне может рассматриваться как еще один аргумент в цепи доказательств основного тезиса, а именно: в названии В и з а н т и я — Βυζάντιον допустимо видеть отражение того же индоевропейского корня **budh-*, который присутствует в мифологических именах др.-греч. Πύθων, др.-инд. *Ahi Budhnyā*, с.-хорв. *Bǎdňak* (*бǎдњак*) и т. п. Название мест (впоследствии — поселений, городов) по имени хтонических чудовищ, мифологических персонажей, связанных с нижним миром, не редкость⁵³. Обычно они мотивированы как особенностями рельефа (горы, холмы, ущелья, воды), так и представлением, согласно которому с убитым чудовищем и с местом этого убийства связаны процветание и богатство⁵⁴ и некоторые другие отмеченные признаки⁵⁵. Византий,

⁵⁰ См. D. Detschew. Указ. соч., стр. 429.

⁵¹ Ср. обозначение матери богов как *σεμνή μήτηρ* (*μεγάλη μήτηρ*), где эпитет случайно сходен с началом имени Семестры.

⁵² См. J. Fontenrose. Los-Angeles, 1959.

⁵³ Подробнее см. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза славян. Ср., в частности, *Vilnius*, в конечном счете к **vel-* корню, кодирующему имя противника Громовержца (*Vel-, Vels, Vielona*, лит. *vėlnias* 'черт', лтш. *velns* и т. д.; ср. слав. *Velesъ*). Интересно, что сочетание Βυζ-: *Kéρας* имеет соответствия типа лит. *Viln- (Veln-, Vel-): Rag-* 'рог' или Днепр (**Dānu-igr-*, ср. индо-иран. *Dānu* как имя мифологического персонажа, связанного с водами) и *Pog, rog, отрог* как номенклатура ландшафта. Ср. о Боденском оз. (*Boden-See*, название того же корня, что и Βυζάντιον), иначе именуемом Швабское море.: «С южного плоскогорья нужно спуститься на берег Швабского моря (des Schwäbischen Meeres), потом плыть... над безднами, которые долго считались неисследимыми (über Schlund die früher für unergründlich galten)». Т. Манн. Волшебная гора. Гл. I («Ankunft»).

⁵⁴ В этом отношении симптоматично указание пифийского оракула основать новый город (Βυζάντιον) напротив владений слепцов, которые находились на малоазиатском берегу Боспора (ср., напр., Tacit. Annal. XII, 63). Название слепцов в данном случае мотивируется именно тем, что они не заметили, какие богатства (в частности, рыбные) сулит основание города на том месте, где и был основан Византий.

⁵⁵ Напр., дар прорицания в Πύθω, Πύθω, древнейшем названии местности

как место катаклизма, как точка, отмечающая вход в «смертоносную бездну» через водное ущелье Веспора, и Византий как город городов и средоточие славы, мощи и богатства⁵⁶ равно близко соответствуют старой мифологеме, смысл которой — наибольшие ценности связаны с наибольшим риском, опасностью⁵⁷.

Сама форма названия города Βυζάντιον должна, видимо, пониматься как фракийское соответствие др.-греч. Πύθων и выводиться скорее всего из формы типа и.-е. *Budh-i-ant-. Ассимиляция дентального согласного в этих условиях является обычным для фракийского языка случаем, причем, как правило, $d(h) + i$ (или i) дает именно ζ (позже иногда с потерей смычного элемента -σ), ср. Ζοο-πορξς (*Diu-porax), Ζοορ- (*Diu-) и т. п.⁵⁸ Словообразовательный элемент -i- (: -i-) хорошо известен из многочисленных фракийских примеров; в некоторых из них бесспорно, что этот элемент служит для образования производной основы (ср. имена на -απιος, -επιος и др.), указывающей, в частности, на происхождение.

Предположение о соответствии фрак. Βυζ-: др.-греч. Πύθ- подтверждается ситуацией почти взаимодополнительного распределения территориальной приуроченности названий с Βυζ- и Πύθ- (исключения минимальны и, насколько можно судить, вторичного происхождения): первые приурочены к фракийской территории (помимо приведенных выше примеров, ср. еще Βύζιζ. Strab. VII, 7, 47 /столица астиев во Фракии, совр. Виза, и источник/, Βυζόνα. Strab. I, 3, 10 /на Черном море, совр. Каварна/⁵⁹, Βυζηνοί. Ptol. V, 4, 10

у подножья Парнаса в Фокиде, где позже были Дельфы с храмом Аполлона Пифийского, оракулом, пифией и т. п., при Πύθων, название пораженного здесь чудовища.

⁵⁶ Ср. позже (в середине XV в.) в «Плаче о падении Византии» греческого историка Дуки: «О город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гроза варваров! О город, город, второй рай. . .» XLI. 1. См. Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969, стр. 421 и след.

⁵⁷ «Есть на слаждение в бою И бездны мрачной на краю. . .»

⁵⁸ Ср. Д. Дечев. Характеристика. . ., стр. 22—23 и др. Впрочем известны и неассимилированные формы, ср. Βυυθῖν при Βυυθεις, Διζας при Ζειζας и др., в частности, ном. прогр. Βύθιος, сопоставляемое с Πύθιας, Πυθίας, Πύθιας (эпитет Аполлона). См. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 94. Здесь же (стр. 385) фрак. Πύθνα, Pūdna (вар. Κόθνα, Cūdna) возводятся к и.-е. *bhudhno; ср. еще лик. Πύθνα Ptol. 5, 3, 4, крит. Πύθνα, Πύτνα. Strab. 10, 3, 19; Steph. Byz. 328, 4.

⁵⁹ Чрезвычайно интересно, что с этим местом Страбон связывает известия о катаклизме. Ср. I, 3, 10: «Ведь наводнения и землетрясения, вулканические извержения и подъем морского дна вызывают и поднятие моря, тогда как опускание дна моря способствует его понижению. . . Равным образом могут происходить малые и значительные оседания дна моря, если только верно говорят, что в силу землетрясений появляются зияющие расщелины и земля поглощает целые местности и селения, как это произошло в Буре и Бизоне и во многих других местах» (на западном побережье Черного моря); ср.: «Между Калатем и Аполлонией расположены Бизона, ббльшая часть которой поглощена землетрясением, Круны, Одесс. . .» (VII, 6, 1).

(племя в Галатии и т. п.)⁶⁰ и практически полностью отсутствуют во всех тех частях Греции, где не было надежного фракийского субстрата (или даже адстрата); напротив, названия на Πυθ- (среди них и такие, которые в словообразовательном плане точно соответствуют типам с корнем Βυζ-) распространены в Греции и отсутствуют на фракийских территориях⁶¹. В частности в связи с реконструируемым для Βυζάντιον **budh-i-* заслуживают внимания формы имен типа Πυθίας, Πύθιον, Πυθίων, Πύθιοι (ср. *Pythionia*, один из восьми маленьких островов около Коркиры. Plin. IV, 53) и, конечно, эпитеты Аполлона — Πύθιος (наряду с Πυθαεός, Πυθαίος, Πυθίοος; Πύθειος, Πύθειος, Πυθεός), критск. Πύτιος, Ποίτιος, Ποίθιος, беот. Πυθίος и др.⁶²; ср. Πυθία, Πυθίη (эпич.) при Πυθειή как обозначение Артемиды и как название пифии. Эти случаи сочетания дентального с -i- (-i-) в словах указанного корня, как и сами рефлексы старых сочетаний этого типа (**thi* > **ts* > σ в начале слова и после согласного; -σσ- или -σ- в ионич., -σ- в аттич., -σσ- в лесб. и фессал., -ττ- в беот. в интервокальном положении⁶³), вынуждают обратить внимание на другие факты, ранее никогда в этой связи не привлекавшиеся и остающиеся в значительной степени необъясненными. Речь идет о др.-греч. βυζός 'глубина' (морская), 'про-

⁶⁰ Впрочем, остаются не вполне ясными названия, находящиеся вдали от фракийской территории. Ср.: Βυζερες, племя в понтийской Каппадокии, между Трапезунтом и Фарнакией (Strab. XIII, 3, 18; Scyl. 82, ср. λιμὴν Βυζερτικός, Steph. Byz. 190; ср.: *Buzeri*. Plin. VI, 4 и др.); Βυζάριοι, племя в Ливии около Карфагена (Strab. II. 433; ср. там же совр. *Бизертский залив*), ἡ Βυζαχίς χώρα, Βυζαχίτις χώρα, Βυζαχίνα, Βυζαχηροί, ἡ Βυζαχίτις, Βυζάριον, *Вузасена* — все как обозначение византийцев и их страны; Βυζάντιον, город на западном побережье Индии (Ptol. VII, 1, 7; ср. Βυζάντεια=Βυζάντιον. Simon. 161 и др.). Тем не менее, несомненно, что, по крайней мере, часть этих названий объясняется как результат перенесения фрак. Βυζ- (во всех указанных примерах речь идет о местах, расположенных на заливе, в бухте).

⁶¹ Не говоря о таких перенесениях или случаях грецизирования, как Πύθωνος κόμη в Малой Азии. О распространении имен и названий на Πυθ- и об их типах см.: W. P a r e. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Dritte Auflage. Braunschweig. 1863—1870, стр. 1275—1284 (ср. стр. 232); A. F i c k. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt. Zweite Auflage. Göttingen, 1894, стр. 245—246; F. V e c h t e l. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917; P a u l y - W i s s o w a. Reallexik. d. klass. Altert. 47, 1963, стр. 170 и след., 307 и след., 515 и след., 606 и след.

⁶² Уместно отметить, что оба противника в мифе, носящие имя Πυθ-, т. е. Пифон и Пифейский Аполлон, тесно связаны с водой, в частности, с морем. Пифон живет в воде, в море, в озере, в реке. Аполлон как морское божество упоминается в одном из гомеровских гимнов, и в этой функции он переключается с Ζεὺς θαλάσσιος (ср. Ζεὺς χθόνιος). Таким образом, и в этом отношении оправдывается мнение о том, что Аполлон в схеме основного мифа вытеснил Зевса. Исходная схема могла бы выглядеть так: Громовержец поражает сына по имени **Budh-* (его матерью, возможно, была Земля), превращенного в чудовище; на этом месте начинается процветание. Ср. сына Аполлона по имени Πυθαεός (< **Budh-*).

⁶³ Ср. продолжение и.-е. **medhios* (> др.-греч. *μεθίος): гомер. μέσ(σ)ος, лесб. μέσος, аттич. μέσος, беот. μέττος и под.

пасть', 'бездна', 'основание', 'дно' (уже в Илиаде), ср. βυζόθεν 'из глубь', ἄβυστος 'бездонный' (Геродот) и т. п. Особенно существенно, что в переводе 70 толковников βυζός fem. передает еврейск. *təhōm*, обозначающее преисподнюю (в этом же значении βυζός употребляется и в Новом Завете). Исходной формой для βυζός обычно полагают *βυθός⁶⁴; в таком случае получает особый смысл связь βυζός с βυθός, то же (ср. βύθιος 'глубокий', 'низкий (о голосе)'). Вместе с тем нет необходимости отделять βυζός и от βυθός 'глубокий' и т. д. (ср. βᾶσσα, βήσσα 'ущелье', 'лощина', 'долина'), в котором, кажется, следует видеть отражение и.-е. *bndh-, ср. др.-греч. βένθος 'глубь' (особенно морская), с носовым элементом, появляющимся в словах этого корня и в лат. *fundus* и в некоторых средне- и новоиндийских и среднеиранских примерах (ср. пали *bunda* 'корень дерева' и др.). В связи с формами βυζός, βυθός приходится указать на известное своими холмами местечко Βυθίας, неподалеку от Византия (форма Βυθάρια. Euagr. III, 43 может оказаться небезинтересной ввиду Βύζερης, *Buzeri* и под., см. выше). Разумеется, формы с β-типа βυζός, βυθός доставляют исследователю определенные трудности, если они включены в контекст др.-греч. Πυθ-, фрак. Βυζ-. Тем не менее, историческая фонетика языков этого ареала (Греция, Фракия, Малая Азия) изобилует именно такими неясностями и многообразием рефлексов (в значительной степени именно из них родилась в последние годы «пеласгийская» проблема в лингвистике). Удерживая от поспешных и слишком определенных выводов, эти неясности приобретают особую эвристическую ценность при ориентации на аспект многоязычия и полиглотизма, без которых невозможно лингвистическое изучение этого ареала. Однако эти частные неясности не должны препятствовать обсуждению предложенного здесь объяснения названия Βυζάντιον. Несущий в своем имени отзвук великого катаклизма (прорыв вод Черного моря), Византий до конца сыграл свою символическую роль, погибнув от о г н я⁶⁵. Его история оказалась отме-

⁶⁴ Иногда и *βυθός. К этимологии см. E. Schwyzer. — Rhein. Mus. 81, 1932, стр. 203; Frisk I, стр. 275—276; Chantraine I, s. v. В связи с названиями Византия, Геллеспонта (: Гелла), Мраморного моря уместно напомнить византийское сказание о *Гил(л)е, Гел(л)е*, приводимое Алядием в его трактате «De quorundam graecorum opinionibus» (ср. также «Περὶ τῆς Γιλλοῦς» Михаила Пселла). Демоническое вредоносное женское существо вынуждено назвать свои тайные имена и тем самым лишиться своей злой силы. Среди этих имен: 1-е — Γυλοῦ . . . , 3-е — Βυζοῦ, 4-е — Μαριαροῦ . . . ». В XVII в. Котельер («Monumenta ecclesiastica graeca» I, стр. 149, 744—745) попытался объяснить эти имена. Так, Βυζοῦ он выводил из βύζω, βυζάινω 'сосать' (т. е. Βυζοῦ — 'сосущая из человека кровь, силы'), Μαριαροῦ — из μάριμος 'белый' и т. п. С этими объяснениями, естественно, можно не соглашаться, но едва ли можно пройти мимо связи этих имен с номенклатурой этих мест.

⁶⁵ «Ты, унаследовавший Рим, святой Первосвященник, | Узнай, какой п о т о п о г н я на Византию хлынул: | Он залил весь ромейский мир. . . » — в «Плаче о падении Константинополя» (XV в.) анонимного автора. Ср. гераклитовский ἐκπύρωσις.

ченной этими двумя стихиями ⁶⁶, и в этом он подобен миру, который, по эсхатологическим представлениям, погибнет «per rugosum et cataclysmum», как сформулировал Firmicus Maternus ⁶⁷.

II. Русская «Голубиная книга» и иранский *BUNDAHIŠN*

В другой работе автора уже было обращено внимание на чрезвычайно глубоко проникающий параллелизм тем, формул и фразеологии знаменитой Голубиной книги и Бундахишна ⁶⁸ и был приведен ряд соответствующих друг другу примеров. Голубиная книга (*Умом нам сей книги не сосметити | И очами нам книгу не обозрити, — | Великая книга голубиная!*) ⁶⁹ совмещает в себе глубоко архаичный элемент старых космологических текстов и книжно-схоластический элемент таких позднейших сочинений, как «Беседа Трех Святителей», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Liber S. Ioannis» (или «Interrogationes S. Ioannis et responsiones Christi Domini»), может быть, «Книга

⁶⁶ Ср. интерпретацию трезубца Посейдона, прародителя Византия, как образ огня в воде, см. С. Scott Littleton. Указ. соч.

⁶⁷ Ср. G. Dumézil. Le mythe de l'éternel retour. Paris, 1949, стр. 103 и след. — Не случайно, что городу бездны Византию, возникшему на самом краю Европы как окно в Азию, которая именно здесь ближе всего подходит к Европе, в историософской традиции уподобляется другой город — Петербург, Петрополь. И он — столица над бездной, на краю своего царства, окно в Европу, в чужое царство («пограничность»). И он, как Константинополь, носит имя своего державного создателя. И ему предсказан роковой катаклизм и забвение его имени («А какое ж имя, дядя, | Было городу тому?» | «Имя было? Да чужое, | Позабывшее давно, | Оттого что не родное — | И не памятно оно». М. А. Дмитриев «Подводный город»). Мотив бездны, надежно укрытый в имени Византия, здесь выходит наружу и становится лейтмотивом, основной темой — «Не так ли ты над самой бездной. . .» у Пушкина или не раз у Блока. Ср.: «. . . страшная злоба на Петербург кипит во мне, ибо я знаю, что это поганое, гнилое ядро, где наша удаля мается и чахнет, окружено такими безднами, такими бездонными топями, которых око человеке не видело, ухо — не слышало. . . знаю, знаю, что там, долго еще там ветру визжать, чертям водиться, самозванцам в кулаки свистеть!» (из письма к Е. П. Иванову от 25 июня 1905 г.). И огонь здесь тоже не отделим от воды и от Змея, символа бездны: Но торжеством победы полны | Еще кипели злобно волны, | Как бы под ними глед огонь (Пушкин) или: Сойдут глухие вечера, | Змей расклубится над домами. | В руке протянутой Петра | Запалает факельное пламя (Блок). Ср. С. С. Аверинцев. Западно-восточный генезис литературных канонов византийского средневековья. «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада». М., 1974, стр. 152—154.

⁶⁸ Ср. статью о структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». «Труды по знаковым системам» V. Тарту, 1971, стр. 43 и след.

⁶⁹ Основные варианты собраны в кн.: П. Бессонов. Калекы переходже. Сборник стихов. Т. I, М., 1861, стр. 269—378 (16 списков); В. Баренцов. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 11—39 (5 списков); ср. также Е. А. Ляцкий. Стихи духовные. СПб., 1912, стр. 7—16 и др.

Еноха» и под., которые также входят в этот класс текстов ⁷⁰. Тем не менее, ни один из этих памятников не может претендовать на преимущественную роль источника Голубиной книги и даже на особую полноту соответствий: слишком многое остается вне параллелей, и поэтому до сих пор Голубиная книга считается произведением весьма неясного и загадочного происхождения. Однако сравнение ее с Бундахишном, среднеиранским сочинением на пехлеви, посвященным сотворению мира и содержащим различные сведения по космологии, эсхатологии, естествознанию ⁷¹, позволяет утверждать, что именно последний может рассматриваться как наиболее близкий к Голубиной книге текст и ее предполагаемый источник ⁷². Вопросо-ответная форма Голубиной книги в связи с космологическим содержанием (причем структура космоса дается в соответствии с оплотнением материала по шкале космическо-природное → человеческо-культурное: Белый Свет, Солнце, Месяц, Звезды и т. д. вплоть до: человек, социальные классы, город, церковь, алтарь), отождествление элементов Космоса и частей человеческого тела, давших начало соответствующим космическим элементам, общий набор основных объектов и их предикатов и т. п. находят достаточно надежные и точные аналогии именно в Бундахишне. То, что Бундахишн гораздо более подробный текст ⁷³, чем Голубиная книга, и трактует многочисленные темы, никак не отраженные в русском памятнике, указывает на источник и направление заимствования или влияния. Кроме того, нужно иметь в виду, что Бундахишн, во-первых, имел предшественника в авестийском сочинении «*Dāmdāt Nask*» и поздние продолжения: так, Бехар, издатель «Истории Систана», указал, что «Ибн-Дихишти» не что иное, как искажение названия Бундахишна ⁷⁴; во-вторых, Бундахишн, по крайней мере, в тех частях, которые существенны в связи с Голубиной книгой, входит в це-

⁷⁰ См. В. Мочульский. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887.

⁷¹ О Бундахишне см.: Grundriß der iranischen Philologie. Bd. 2. Straßburg. 1895—1904 (работы E. W. West'a, A. V. W. Jackson'a); J. C. T a v a d i a. Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig, 1956, стр. 74—82 и др. Основные издания (индийского и иранского, или Большого Бундахишна): N. L. Westergaard. Bundelesh. Liber pehlevicus e vetustissimo codice Havniensi descripsit duas inscriptiones regis Saporis primi adjecit. Havniae. 1851; F. J u s t i. Der Bundelesh zum ersten Male herausgegeben, transcribirt, übersetzt und mit Glossar versehen. Leipzig, 1868; E. T. D. Anklesaria. The Bundahishn. Bombay, 1908.

⁷² Можно было бы высказаться определеннее, если бы не допустимость других сходных текстов, оказавшихся утраченными.

⁷³ Иранский Бундахишн разделен на 46 глав; Бундахишн, используемый индийскими парсами, приведенный и изданный в 1771 г. Анкетилем Дюперроном, насчитывает около 13 000 слов.

⁷⁴ См. Б. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. — В кн.: Б. Э. Бертельс. Избранные труды. М., 1960, стр. 195. — Здесь же пронизательно, хотя без какой-либо аргументации, Бундахишн называется зороастрийской «Голубиной книгой». Ср. также J. R u r k a. Iranische Literaturgeschichte. Leipzig, 1959, стр. 41 и след., 50 и след. и др.

лую литературу такого рода (достаточно сослаться хотя бы на «Rivayat»).

Принимая во внимание сказанное, допустимо высказать предположение, что и название *Голубиная книга* (в некоторых реально засвидетельствованных вариантах и согласно обычным конъектурам и/или реконструкции — *Глубинная книга*) имеет своим источником (или, в крайнем случае, является удивительным совпадением) название *Būndahišn*, ср. *Bun-dahišn(ih)*, собств. 'Пратворение', 'Начальное творение' или еще точнее 'Сотворение основы', 'Сотворение г л у б и'. Первый элемент этого названия как раз и сопоставляется с др.-инд. *budhnā-*, др.-греч. *πυθμήν* 'дно', 'основание', 'низ', 'род', 'порождение'⁷⁵, лат. *fundus*, др.-в.-нем. *bodam*, нем. *Boden*, праслав. **bъдно* < **budn-* < **budhn-* (ср. словц. диал. *bedno* 'дно') и др. И в гатах, и в младших частях Авесты отмечено слово того же происхождения *būna-* masc. со значением 'основа', 'дно', 'г л у б и н а', ср.: *bunəm aṃhəuš tamahəhe*. Videvd. XIX, 47; *bunə jafranəm vairyanəm*. Videvd. XIX, 42; Yt. XIX, 51 и особенно о морской глубине: *bunəm zrayaṃhō*. Yt. XIX, 51; ср. также производные со значением 'самый нижний', 'нижняя сторона', младоавест. *bunāva* 'von der Unterseite stammend': *aspəəm varəsam... vaənaiti katārō aṃravō vā b u n a v o vā*. Yt. XVI, 10; XIV, 31⁷⁶. Др.-иран. *būna-* имеет продолжения в пехл. *bun*, н.-перс. *bun*, курдск. *bun*, *буні* (в Туркмении), белудж. *bunā* 'внизу', вахан. *bon*, шугн. *bon*, *bun*, бартанг. *bun*, рушан., хуфск. *bun*, язгул. *bon*, осет. *бун*, *bun* и др., ср. сакск. *buna-* 'основание' и т. п. (арм. *bun*, видимо, иранизм)⁷⁷. Вторая часть названия *Būndahišn* передает идею с о т в о р е н и я и представляет собой отглагольное существительное, производное от *dā-* 'создать', 'сотворить', выражающего идею подлинного космического творения⁷⁸; ср. использование этого глагола в ахеменидских надписях, в частности, в отрывках, описывающих сотворение Вселенной⁷⁹. Таким образом, название Бундахиши,

⁷⁵ Кстати, эти последние значения, развивающиеся в словах этого корня, хорошо объяснили бы постоянную формулу Голубиной книги: *Которая у нас земля всем землям мать* (гора всем горам, город — городам, древо всем древам и т. п.). Особенно интересно соответствие *Которое у нас море всем морям мать* и отмеченного выше геродотовского *μῆτρ τοῦ Πύλου* (IV, 86), укорененного в соответствующей фразеологии.

⁷⁶ Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, стр. 967—968.

⁷⁷ Интересно, что в ряде этих примеров или в других производных от того же корня появляются значения 'наследие', 'наследство', 'семья', 'дом' и т. д., подчеркивающие идею надежности, преемственности, прочности и т. п. — вопреки первоначальным смыслам. Такого рода эволюция допустима и для названия Βυζάντιον.

⁷⁸ Об отличии этого глагола от других глаголов творения (*θwars-*, *kərant-*, *taš-*) см. A. V. W. Jackson. — В кн.: Н. Т. Песк. Semitic Theory of Creation. Chicago, 1886, стр. 25—27; Он же. — Grundriß der iranischen Philologie, Bd. 2, стр. 672—673 и др.

⁷⁹ Ср.: *Vaga vazarka Auramazdā hya imām būmim a d ā hya avam asmānam a d ā hya martiyam a d ā hya šiyātim a d ā...* Накш-и-Рустам; *hauu Dārayavaum xsāyaviyam a d a d ā*. Дар. Персеп. d. 1.

понимаемое как 'Г л у б и сотворения', может рассматриваться как довольно точная модель названия *Г л у б и н н о й к н и г и*, в которой эпитет *Глубинная* может даже быть переводом иран. *bip-* (< **budhn-*). Возможно, что именно этимологическая игра (кстати, весьма характерная и для Бундахишна⁸⁰) способствовала затемнению первоначального значения, а потом и его подмене: *глубинный* → *голубинный*⁸¹. Впрочем, идея названия Бундахишн могла бы быть выражена и средствами русского словаря, этимологически тождественными указанным иранским элементом, — **Буденная книга* или *Будней Деяние*⁸² (ср. *ḥméri* в "Ерға хәи ḥméri Гесиода).